

Максим ЖИХ

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РАННИХ СЛАВЯН: ПО ПОВОДУ РАБОТЫ ФЛОРИНА КУРТЫ¹

Как известно, славяне впервые достоверно (под собственным именем) упоминаются лишь в источниках VI в. н. э.² При этом, как минимум, [пра]славянский язык существовал, по данным лингвистики, самое позднее (об этом у нас еще пойдет речь) – с середины I тыс. до н. э. – на целое тысячелетие раньше. Вопрос о соотношении этнического сознания и языка сложен. На наш взгляд, до утверждения за этнической общностью единого самоназвания, которое является верным индикатором наличия у нее этнического самосознания³, нельзя в строгом смысле говорить о ее существовании⁴. Другое дело, что мы не знаем даже приблизительно того времени, когда славяне стали называть себя «славянами»⁵. Да и смена этносом в силу неких причин своего самоназвания также дело довольно обычное. Вопрос о древних самоназваниях славян, предшествовавших собственно имени «славяне», является открытым. Необходимо также учитывать то, что славяне даже на самых ранних этапах своей истории не составляли какой-то монолитной общности с абсолютно единым языком и этническим сознанием⁶. Вероятно, их история, предшествовавшая выходу на историческую арену под именем «славяне» в VI в., была полна как этноязыковых схождений (друг с другом и с соседними этносами), так и расхождений⁷. Учитывая все сказанное, на наш взгляд, в эпоху, предшествовавшую утверждению единого для всех славян имени «славяне», следует говорить не о «славянах», а о «праславянах» – людях, говоривших на [пра]славянском языке (языках), но еще не называвших себя «славянами» и, соответственно, не осознававших себя таковыми, а осознававших и называвших как-то иначе. Вопрос о том, где и с какого времени проводить черту между славянами и праславянами, открыт. Ясно одно: на Дунай в VI в. славяне выходят в качестве уже сформированной этнической общности, обладающей и самосознанием, и самоназванием.

Такая ситуация привела ученых к созданию ряда гипотетических конструкций славянской «предыстории»⁸. Ученые обычно объясняли вышеуказанное противоречие тем, что славяне в эпоху, предшествовавшую великому переселению народов, жили вдали от центров античной цивилизации и потому просто не попали в ее поле зрения

(ситуация достаточно типичная: многие этносы существовали столетиями и даже тысячелетиями, но в соприкосновение с «письменными» цивилизациями входили поздно и, соответственно, поздно появлялись на страницах исторических источников), либо тем, что в источниках предшествующего времени они по каким-то причинам фигурируют под другими именами.

С другой стороны, в последнее время в науке стал распространяться определенный скептицизм относительно возможностей изучения истории славян до их столкновения с Византией в VI в., что привело к тому, что многие современные ученые начинают изложение истории славянства лишь с этого времени, ограничиваясь, в сущности, простой констатацией того, что предыдущая его история неясна⁹. В.Н. Топоров пошел дальше и предложил ученым при изучении раннеславянской истории сознательно ограничить выход за пределы VI в.¹⁰

Еще более радикально, хотя и явно развивая названный тезис¹¹, подошел к этой проблеме известный американский славист Флорин Курта. По мнению ученого, славяне... до VI в. вообще не существовали: «в согласии с теми, кто считает, что славянская история начинается в VI в., я утверждаю, что славяне – изобретение VI в.»¹² Их «создали» византийцы, выдумавшие новый этноним¹³ для систематизации сложной структуры варварского общества к северу от Дуная. Со временем и сами эти варвары усвоили придуманный для них византийцами этноним и «славянское» самосознание, которое впервые достоверно фиксируется в древнейших славянских нарративах XI–XII вв. (в первую очередь, в «Повести временных лет»¹⁴), создание которых знаменовало собой, по мнению Ф. Курты, окончание процесса «создания славян» и начало использования этой конструкции «в национальных целях с их обращениями к историческим корням». Таким образом, славяне, согласно Ф. Курте, сформировались «в тени Юстиниановых крепостей, а не в Припятских болотах»¹⁵. Их возникновение (по Ф. Курте «создание» – making¹⁶) «было результатом не столько этногенеза, сколько изобретения, выдумывания и навешивания ярлыков со стороны византийских писателей»¹⁷. Консолидация варваров, проживавших к северу от Дуная, явилась следствием агрессивной политики Византии при Юстиниане и подражания со стороны местной элиты («бигменов») правителям соседей (гепидов, гуннов, аваров, болгар и т. д.), археологическим отражением которого являются разнообразные «престижные предметы», например, женские фибулы, изготовленные из серебра¹⁸. Основой власти «бигменов» стали социальные институты типа потлача, с которыми связано сложение новых идентичностей и форм социальной организации местного населения, в основу которой легла система сегментированных линиджей¹⁹. Это привело к резкому

усложнению этнополитической структуры варварского общества к северу от Дуная, для систематизации и объяснения которого византийцы и придумали новый этноним. Прорыва славянами дунайского лимеса, согласно Ф. Курте, не было: империя сама оставила его в VII в.²⁰, после чего на Балканах началось постепенное распространение славянской идентичности. Консолидирующую роль языка в процессе славянского этногенеза Ф. Курта при этом отрицает: «Славяне стали славянами не потому, что говорили по-славянски, а потому, что их так называли другие»²¹. Такова вкратце суть концепции славянского «этногенеза» (применительно к вышеописанным построениям это слово логично заключить в кавычки) Ф. Курты. Его работы вызвали активную полемику в мировом и отечественном славяноведении и встретили как критику, так и поддержку²². В этой связи мы решились изложить некоторые свои соображения на сей счет. Преимущественно те, которые не были еще сформулированы в обсуждении его работ, либо сформулированы не достаточно четко. Как нам представляется, многие критики подхода Ф. Курты, а равно и его сторонники, не достаточно акцентировали свое внимание на некоторых немаловажных вещах.

Начнем с одного принципиального момента – мы не возражаем против построений Ф. Курты в принципе. Многие из них являются вполне здравыми и обоснованными. Только есть одно большое но: они являются, а точнее, явились бы обоснованными не сами по себе, а как одна из частей целого. Любой процесс (в нашем случае этногенез славян, равно как и любой другой этногенез) имеет много составляющих – много граней, если сравнить его с граненым стаканом. И проблема начинается тогда, когда исследователь вместо того, чтобы изучать все целое в его совокупности, начинает рассматривать какую-то часть целого как нечто замкнутое и самодовлеющее. Безусловно, такое явление, как «славянский этногенез», включало в себя много составляющих и было многогранно. Одной из его граней и было то, что Ф. Курта назвал «созданием славян». Проблема в том, что он одну из частей целого стал рассматривать как целое и попытался ею все это целое подменить. А попытка подменить целое одной из многих его частей никогда не приводит (и по определению не может привести) ни к каким положительным результатам. Курта взял одну из граней многогранного процесса славянского этногенеза, выпятил ее и довел до полного абсурда.

Именно пытаясь подменить целое его частью, Ф. Курта не замечает простых вопросов, с очевидностью встающих перед его концепцией в том виде, в каком он ее представил, и рушащих его построения. Как, например, объяснить то, что термин «славяне», если его придумали хитрые византийцы, вдруг разом практически одновременно появляется

в источниках, написанных далеко друг от друга и принадлежащих к разным традициям (византийской, латинской, арабской и т. д.)²³? Каков был механизм восприятия выдуманного для них византийцами имени самими славянами? А ведь они себя называли именно так с раннего проникновения на страницы источников: именно от самих славян и антов узнал (а не выдумал и передал им!) их соответствующие самоназвания (и легенду об общем происхождении) Прокопий Кесарийский²⁴, от славян же его узнали и некоторые ирландские миссионеры VII в. (Колумбан, Аманд и Бонифаций²⁵), которые «уж в чем не были замечены, так это в знакомстве с византийской культурой, языком или тем паче геополитическими изысками», как констатирует С.А. Иванов²⁶.

Не менее существенным является и вопрос о том, каким образом славянская идентичность и само имя славян (придуманное для них византийцами!) распространились на огромных территориях от Адриатики до Балтики, жители которых практически не имели каких-либо контактов с Византией. А между тем распространиться на этой огромной территории они должны в исключительно короткие сроки, ибо именно так («славянами») называли себя уже в конце VI в. славяне, жившие на побережье Балтийского моря, что следует из знаменитого рассказа Феофилакта Симокатты о славянских посланцах-гуслярах: в ходе похода императора Маврикия в 592 г. против аваров около города Цурула «телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли... *Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана*; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев... А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой... *(выделено мной – М.Ж.)*»²⁷. На то, что «славянская» идентичность в эпоху, традиционно называемую периодом славянского расселения (VI-VII вв.), существовала, причем в «общеславянском» масштабе, указывает тот факт, что названия, производные от общего самоназвания славян, были распространены по всему славянскому миру и в особенности на его границах (подобная ситуация, при которой древнее общее имя народа сохраняется на окраинах его расселения, достаточно типична): *словаки, словенцы, словене ильменские, словинцы-кашубы* на побережье Балтики, *славонцы* в хорватской Славонии²⁸. Весьма веро-

ятно, что аналогичным образом называли себя и славяне – носители именьковской археологической культуры в Среднем Поволжье²⁹. Как объяснить и факт того, что многие этнонимы неоднократно повторяются в разных частях славянского мира: *другувиты* и *кривитеины*, известные византийским источникам на Балканах, и *дреговичи*, *кривичи* Восточной Европы, *ободриты* на Дунае и в Полабье, *сербы лужицкие* и *сербы балканские*, *поляне* в Среднем Поднепровье и в Малой Польше, *северяне* на Десне и *северы* на Балканах и т. д. и т. п.? Только тем, что все это – осколки древних праславянских этнополитических объединений, распавшихся в ходе славянского расселения³⁰.

Наконец, какова была механика распространения на огромных территориях Центральной, Восточной и Южной Европы славянских языков, несомненно, имеющих общее происхождение³¹? На этот вопрос у Ф. Курты также нет ответа. Да и едва ли он возможен в рамках почти полного отрицания миграций, которое отстаивает наш автор³². Если «смену идентичности» еще как-то можно объяснить влиянием соседей (и то лишь в непосредственной близости от этих соседей), то распространение на огромных территориях языка – нет. Для распространения языка необходима миграция [хотя бы небольшой] группы его носителей, которая сможет со временем в условиях благоприятной конъюнктуры навязать его автохтонам либо вытеснить их. Ф. Курта полагает, что славянский язык стал со временем чем-то вроде *lingua franca* в Аварском каганате³³, однако фундаментальный вопрос о его генезисе обходит стороной. Каким образом вообще возник язык группы, которую условно выделили в своей системе координат византийцы? И какова была механика его распространения? Непонятно и то, как совместить утверждение Ф. Курты о славянском языке как *lingua franca* Аварского каганата с его же положением о том, что в VII в. славяне представляли собой лишь «разрозненные анклавные территории в разных районах Балкан, к тому же переживавшие существенный демографический упадок»? Каким образом население этих небольших и находившихся в состоянии демографического упадка анклавов, которое было, к тому же, объединено под одним общим именем лишь под пером византийских авторов, сумело навязать свой невесь откуда взявшийся язык всему населению Аварского каганата и сопредельных территорий? И каким образом он распространился на иные территории, находившиеся вдали от Паннонии и сопредельных регионов? Думается, все тут гораздо проще, и распространение славянского языка к северу от Дуная в качестве *lingua franca* началось гораздо раньше – как минимум еще в гуннские времена: судя по приводимым Приском Паннийским (*medos* – «мед») ³⁴ и Иорданом (*strava* – «страва») ³⁵ славянским словам, некие «скифы», составлявшие, видимо, немалую часть населения гуннской державы,

говорили по-славянски³⁶. О том же говорит и ряд сохранившихся в позднеантичных источниках (в частности, Тиса у Приска) форм названий гидронимов и топонимов этого региона, в которых отразились их славянские имена³⁷.

Нельзя не отметить и того, что подобное «создание народов» было для византийской традиции совершенно нетипичным. Как справедливо указывает С.А. Иванов, «греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы: они охотно навешивали уже имеющиеся ярлыки на вновь появившиеся на их горизонте племена»³⁸, то есть называли «новые» для них народы именами «старых» – хорошо известных и вписанных уже в традиционную картину мира: скифов, гуннов, тавров и т. д. Никаких примеров «создания народа» византийцами (да еще чтобы сам этот народ стал со временем называть и ощущать себя так) у нас нет. И само название «склавины» не могло быть выдумано византийцами уже хотя бы потому, что противоречит нормам греческого языка³⁹, да и не значит оно ничего на греческом, а на славянском, напротив, имеет смысл: **Slověne* – «славяне» первоначально означало «владеющие понятной речью», «ясно говорящие»⁴⁰ и противопоставляющие себя «немцам» – «немым, говорящим на непонятном языке» и «чуди» – «чужим, говорящим на чужом языке»⁴¹, что типично для многих этнонимов⁴². Например, «арабы в VII-VIII вв. называли все прочие народы, не понимавшие их языка, аджамами, т. е. неарабами, буквально немыми, бессловными (немцами). Позже такой термин стал применяться исключительно к иранцам»⁴³, в Мексике жило индейское племя, именовавшееся Tojolabal, что означало «ясная речь», «ясные слова»⁴⁴.

Непонятно и то, кто именно впервые выдумал это имя, которое практически одновременно начало употребляться разными авторами в разных регионах Европы. Вопрос о том, что VI в. – это просто первая фиксация славян в письменных источниках и ничего более (сами славяне могли существовать и называться, кстати, именно «славянами» не только за много веков, но и тысячелетий до этого), Ф. Курта вообще игнорирует. Да и с первой фиксацией имени славян в источниках тоже далеко не все так просто: у Птолемея во II в. упоминается некий народ Σοοβήροι⁴⁵. Такая форма могла представлять собой как искаженное «словене», так и передавать более древнее самоназвание славян, связанное с обозначением «племени свободных людей», которое со временем развилось в понятия «свой», «говорящий ясно на своем языке»⁴⁶.

Возвращаясь к проблеме «миграционизма» и «автохтонизма», можно отметить, что представления об их соотношении в процессе этногенеза напоминают маятник – предпочтение ученых склоняется то в одну, то в другую сторону. Видимо, и та и другая парадигмы имеют

рациональное зерно, и описать действительность при помощи лишь одной из них едва ли возможно. С одной стороны, как писал в свое время А.Н. Толстой, «движение народных масс подобно морским волнам – кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь одна волна вызывает взлет и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остается верной своей родине»⁴⁷; с другой, как указывал В.В. Мавродин, «нет никакой необходимости в отрицании переселений и передвижений племен и народов, расхождений и схождений языков и культур. «Переселение народа» – не жупел, которым можно пугать»⁴⁸. Многие миграции нам хорошо известны и бесспорны⁴⁹, например, миграция венгров из Приуралья в Паннонию и болгар из Приазовья в Подунавье. Вопреки тезису Ф. Курты, археологически миграции, по крайней мере, в некоторых случаях, вполне возможно проследить⁵⁰. Археологически прослеживается и распространение славян в Европе в VI–IX вв.⁵¹ Очевидно, что с распространением славян распространялись по Европе и славянские языки, и этническая самоидентификация, которая, впрочем, имела несколько уровней, из которых в источниках VI–VII вв. отразились два (более мелкие, увы, не нашли в них отражения): уровень общеславянской идентичности и уровень осознания своей принадлежности к конкретному славянскому этнополитическому союзу. Именно это обстоятельство ввело Ф. Курту в заблуждение: он решил, что высшая («общеславянская») идентичность есть византийский конструкт⁵².

Построения Курты наглядно показывают, что социальный конструктивизм на доиндустриальном материале практически не работает⁵³. Любопытно, что автор теории [являющейся в значительной мере детищем постмодерна] «воображаемых сообществ» (под которыми он понимал в том числе и этнические общности), перекликающейся во многом с идеями Ф. Курты, Бенедикт Андерсон⁵⁴ вел о них речь преимущественно применительно к Новому времени, когда сложились условия для быстрого распространения информации и, соответственно, конструирования «воображаемых сообществ». В раннем средневековье такие механизмы отсутствовали, и самосознание человеческих сообществ, в том числе и этническое, конституировалось на принципиально иных основах, которые нам еще во многом неясны.

Весьма любопытно и очевидное сходство построений Ф. Курты с идеями Н.Я. Марра⁵⁵. У Марра были «превращения» и «перевоплощения» одних этнических общностей в другие, у Ф. Курты – «смена

идентичностей». Словесное оформление тут чуть отличается, но суть одна. Состоит она в практически полном отрицании миграций и «превращении» одной этнической общности в другую.

В этой схеме опять-таки непонятно одно: как менялся (*и столь радикально!*) язык. Н.Я. Марр пытался это объяснить с точки зрения филологии. Как мы теперь знаем, неудачно. Ф. Курта этого вообще никак не объясняет, а между тем вопрос напрашивается: если славян придумали-де ушлые византийцы, то как вообще возник их язык и как он стремительно распространился на огромные территории? Ответа на этот вопрос у Курты нет (да и не видит он самого вопроса). Его умозрительная теория противоречит всем лингвистическим реконструкциям ранней истории славян. Как признающим, так и отрицающим балто-славянское единство – даже по мнению признающих его ученых, [пра]славянский язык выделился около середины I тыс. до н. э.⁵⁶ – за добрую тысячу (!) лет до того, как хитрые византийцы выдумали славян. А если обратиться к работам их оппонентов, считающих, что сближение балтских и славянских языков имело вторичный характер (мнение которых, естественно, не интересует Ф. Курту), то [пра]славянский язык можно удревнить еще на одну-две тысячи лет (хотя и некоторые сторонники гипотезы балто-славянской общности также датируют выделение [пра]славянского этим же временем, сдвигая ее существование к III тыс. до н. э.)⁵⁷.

При этом мы не отрицаем того, что в идеях Н.Я. Марра и Ф. Курты о «превращениях»/«смене идентичностей» есть определенное рациональное зерно, но опять-таки: это явление – лишь часть сложного и многогранного процесса этногенеза. Не стоит подменять им весь этот процесс.

Касаюсь вопроса о методологии работ Ф. Курты, нельзя не сказать о том, что в основе их лежит философия постмодерна. Что же она собой представляет применительно к истории (археологии, этнологии и т. д.)? Все просто: источники, по мнению постмодернистов, отражают не реалии прошлого, а только лишь некие интеллектуальные конструкции своих авторов и потому едва ли могут быть адекватно поняты современным исследователем. История в рамках постмодернистской парадигмы предстает не более чем проекцией вербального вымысла, а историк из исследователя реальности прошлых эпох превращается в их создателя. Собственно, такой абрис задал еще основоположник и один из главных теоретиков исторического постмодерна Х. Уайт⁵⁸. Одним словом, историк превращается из реконструктора реальности прошлого в эдакого «собираателя мозаики», компоненты которой он может сложить в любой последовательности на свой вкус, а что не вписывается в красивую теорию никак – вообще выкинуть.

Применительно к Ф. Курте мы как раз это и видим. Источники никак не работают на его умозрительную концепцию, и он вынужден, как говорил когда-то в аналогичном случае А.Л. Шлецер, «ломать их на дыбе»⁵⁹, подгоняя под свои построения. Работа Ф. Курты с источниками – это нередко сплошные натяжки: он не анализирует источники, он «собирает мозаику».

Все то, о чем сказано выше, связано с тем, что Ф. Курта упорно хочет навязать источникам свой взгляд и показать, что в «варварском» обществе раннего средневековья (в традиционном, «примордиалистском» понимании) практически не существовало категории «этничности» и каких-то особых представлений о ней. Собственно, подобного рода «инструменталистские» построения (в частности, на германском материале) начали распространяться в науке о раннем средневековье (куда они попали из ориентированной на постмодерн социально-политической антропологии⁶⁰) уже достаточно давно⁶¹. Ф. Курта просто несколько радикализировал их и впервые столь четко и последовательно применил к славянам. Хотя отдельные попытки такого рода предпринимались и ранее, но они носили более корректный и взвешенный характер⁶². Ныне один из первопроходцев в «инструменталистском» подходе к проблеме раннеславянской этничности С.А. Иванов справедливо назвал построения Ф. Курты «своего рода *reductio ad absurdum* инструменталистского подхода», которые «решительно противоречат логике»⁶³.

Сложность тут, однако, в том, что даже если последовательно смотреть на источники с позиций постмодернизма и рассматривать их сугубо как отражение неких интеллектуальных конструкторов своих авторов, то «отменить» этничность не получится: для всех авторов античных и раннесредневековых источников «этничность» – категория вполне реальная (хотя и понималась она ими, вероятно, несколько иначе, чем ныне). Это их общая «нарративная стратегия» (если использовать постмодернистские термины). Стало быть, как минимум на ментальном уровне средневековой интеллектуальной элиты (а только ее представления нам и известны – самосознание основной массы раннесредневекового населения практически не отразилось в известных нам источниках) она существовала.

Но Ф. Курта идет тут по пути «от концепции к источнику» и придумывает ясным свидетельствам источников всякие натянутые объяснения, лишь бы обосновать свою идею о «создании славян» византийцами. Там, где источники ясно говорят о том, что славяне уже в VI-VII вв. широко расселились на Балканском полуострове (Исидор Севильский: «[в годы правления Ираклия (610-641)] славяне захватили у ромеев Грецию»⁶⁴, армянский географ Анания Ширакаци: «Земля Фракии содержит 7 малых областей и одну крупную, в которой обитают 25 племен

склавонов»⁶⁵ и т. д.), Ф. Курта видит лишь «разрозненные анклавные территории в разных районах Балкан, к тому же переживавшие существенный демографический упадок». Свидетельства источников о многочисленных военных вторжениях славян на Балканы, об их нападениях на Фессалонику и Константинополь и т. д. Ф. Курта фактически игнорирует или переставляет с ног на голову⁶⁶. Вопреки Ф. Курте, современники видели в славянах не конгломерат незначительных анклавов, объединенных условно на страницах трактатов византийских «геополитиков», а сильных воинственных варваров, которые «свирепствуют повсюду»⁶⁷ и «сильно угрожают»⁶⁸ своим соседям. По мнению Ф. Курты, которое решительно противоречит всем источникам, массовое продвижение славян на юг началось лишь в VIII в.⁶⁹, т. е. в период, который как раз значительно хуже освещен письменными свидетельствами.

Обратимся теперь к трактовке Ф. Куртой археологического материала, связанного с падением дунайского лимеса и славянской колонизацией Балканского полуострова⁷⁰. Тут, как и в случае с анализом письменных источников, многие положения Ф. Курты вызывают откровенное недоумение. Ярким примером может быть его объяснение мощного укрепления дунайского лимеса при Юстиниане, которое традиционно считалось и считается свидетельством мощной опасности для империи со стороны славян. Но Ф. Курта, исходя из своей априорной концепции, таковую опасность отрицает: по его мнению, «никакой серьезной опасности» для Византии на этом направлении не было⁷¹. Но зачем же тогда византийцам было укреплять лимес? Казалось бы, Ф. Курта должен серьезно объяснить это, выдвинуть какие-то веские контрдоводы традиционной концепции, но, увы, ученый априорно заявляет, что славянская опасность никакого отношения к укреплению лимеса не имела, а зачем укрепляли лимес – непонятно. Полное отсутствие логики в этом построении удивительно: идет грандиозное укрепление лимеса, подорвавшее, по мнению Ф. Курты, экономику Византии (!),⁷² и это в то время, когда она вела войны и на Западе, и на Востоке (!), а опасности ей со стороны Дуная будто бы никакой не было. Падение лимеса Ф. Курта объясняет опять-таки не боевыми действиями славян и кочевников (авар, болгар и т. д.), а кризисом в Империи, вызванным... огромными затратами на строительство лимеса, которое, как мы помним, было ничем не мотивировано. Обосновывает это положение Ф. Курта большим количеством кладов рассматриваемого времени, найденных на Балканском полуострове. Однако его попытка таковой их интерпретации основана на ряде ошибочных положений, что показал П.В. Шувалов⁷³, и традиционный взгляд, связывающий тезаврацию большого количества сокровищ с варварскими (в первую очередь, славянскими) вторжениями остается непоколебленным, как непоколе-

бленным остается и тот факт, что строительство Юстинианом грандиозного дунайского лимеса было вызвано соответствующей опасностью, нависшей над Империей с севера. Равно как и падение лимеса было в немалой мере обусловлено военными действиями славян и живших в регионе кочевников. Ф. Курта не отрицает того, что на ряде византийских укреплений археологи нашли следы их военного разгрома. В то же время нельзя отрицать и того, что многие из них были оставлены по каким-то причинам византийцами самостоятельно. Ученый делает на этом особый акцент⁷⁴ и заключает из этого, что лимес был оставлен византийцами по каким-то «внутренним» причинам. Однако как тогда быть с теми укреплениями, которые были уничтожены именно в ходе боев (это обстоятельство Ф. Курта старается затушевать)? Видимо, после разгрома варварами ряда византийских укреплений оставшиеся стало просто невозможно удерживать, и они были покинуты.

Таким образом, традиционные объяснения причин строительства Византией лимеса и причин его падения куда логичнее, и нет никаких серьезных оснований их пересматривать⁷⁵ (что, впрочем, не означает того, что падению лимеса не способствовали какие-то процессы, протекавшие в самой Византии, но объяснить все только ими, как то попытался сделать Ф. Курта, совершенно невозможно). Г. Шрамм справедливо назвал вторжение славян на Балканы «прорывом плотины» (*Ein Damm bricht*)⁷⁶. При этом не будем забывать о расселении славян и в других направлениях, о чем выше уже говорилось.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что работы Ф. Курты построены зачастую по принципу «от [априорной] концепции к источнику». Источники для него нередко оказываются лишь иллюстрацией к его заранее сложившимся установкам. А иллюстрации, как известно, и привлекают лишь иллюстративно. Но даже если привлекать источники иллюстративно и по всем канонам постмодерна, они все равно не дают достаточных оснований для построений Курты и «отмены» раннеславянской этничности и этнического самосознания ранних славян, с которым они вышли на дунайский лимес и которое нашло отражение у авторов Восточного Рима, а вовсе не было ими сконструировано. Вопросы о времени его становления, о выделении в нем самосознаний отдельных «племен», о соотношении раннеславянской этничности с языковой принадлежностью ее носителей, о наименовании (как внешними наблюдателями, так и самими носителями) праславян другими именами, разумеется, остаются открытыми и выходят далеко за рамки настоящего очерка, но, увы, книга Ф. Курты не только не приближает их адекватного решения, но и зачастую отдаляет его. Это касается и проблемы влияния византийских (и западноевропейских) книжных конструкторов на реальное самосознание славянского общества, которая

нуждается в серьезном всестороннем изучении, вместо которого мы в рассматриваемой работе находим скорее лишь постановку такой проблемы при крайне тенденциозной попытке ее решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001.

2. В.Я. Петрухин справедливо отмечает, что «под своим именем *славяне* стали известны греческим авторам в VI в. на Дунае, и игнорировать этот факт невозможно (*выделено В.Я. Петрухиным – М.Ж.*)» (*Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры: Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 42).

3. По мнению современных исследователей, «говорить о сложении той или иной этнической общности можно только тогда, когда у этой общности появляется самоназвание» (*Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 151), а словообразовательная структура этнонима «отражает его историю, зашифровано повествует о его происхождении» (*Карпенко Ю.А.* История этимологического метода в отечественной топонимике // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 13).

4. С.А. Иванов верно, на наш взгляд, отмечает, что «этничность, в отличие от языка, – не феномен, а ноумен. Человек может не знать, что он говорит, допустим, на праславянском языке, – достаточно, чтобы это «за него» знал лингвист. А вот с этнической идентичностью не так: если человек не знает про себя, что он славянин, то он и не славянин. Никакого на самом деле тут быть не может. Другое дело, что это знание у бесписьменного народа может не сразу стать известным народам письменным и тем самым оказывается зафиксированным несколько позже, чем возникает, а насколько позже – мы не знаем (*выделено С.А. Ивановым – М.Ж.*)» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2 (4). С. 5-6).

5. Можно согласиться с А.П. Новосельцевым в том, что «термин «*славяне*» возник не сразу и не вдруг стал общеупотребительным. Возможно, древнейшее название было все-таки венеды: именно так именовали славян их древнейшие соседи с запада – германцы и, кажется, восточные балты. Но так могла называться и часть предков славян, тогда как другие могли носить иные наименования. И только позже (в V-VI вв.?) утвердилось общее название «*славяне*» (*словене*) (*выделено мной – М.Ж.*)» (*Новосельцев А.П.* Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времён до конца XVII в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 2000. С. 51).

6. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2002.

7. В этой связи представляет существенный интерес реконструкция славянской «предыстории», предложенная Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков Б.А.* 1) Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 182-196; 2) Геродотова Скифия. М., 1979. С. 195-238; 3) Язычество древних славян. М., 1981. С. 214-230 и сл.; 4) Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 11-55; 5) Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 8-72 и сл.). Интерес прежде всего в методологическом плане: Б. А. Рыбаков попытался наметить контуры довольно сложной истории праславян, в которой периоды сближения между различными их группировками сменялись периодами их отдаления друг от друга. Вопрос об исторической достоверности всех построений Б.А. Рыбакова, разумеется, открыт.

8. См., например: *Лер-Сплавинский Т.О.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 82-85; *Горнунг Б.В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; *Петров В.П.* Этногенез славян: джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972; *Филин Ф.П.* К проблеме происхождения славянских языков // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973; *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973; *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973; *Hensel W.* 1) From Studies of the Ethnogenesis of Slavs // *Ethnologia Slavica*. Bratislava. 1975. Т. 7; 2) *Skąd przyszli Słowianie*. Wrocław, 1984; *Мачинский Д.А., Туханова М.А.* О местах обитания и направлениях движения славян I-VII вв. по письменным и археологическим источникам // *Acta archaeologica Carpatica*. Т. XVI. 1976; *Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Winter, Heidelberg 1979; *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. М., 1982; *Рыбаков Б.А.* 1) Исторические судьбы праславян; 2) Геродотова Скифия. С. 195-238; 3) Язычество древних славян. С. 214-230 и сл.; 4) Киевская Русь... С. 11-55; 5) Язычество Древней Руси. С. 8-72 и сл.; *Седов В.В.* 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; 2) Славяне в древности. М., 1994; 3) Славяне в раннем средневековье. М., 1995; 4) Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002; *Mańczak W.* *Praojczyszna Słowian*. Wrocław, 1981; *Váňa Z.* *Svet давnych Slovanů*. Praha, 1983; *Struve K.-W.* 1) Die Ethnogenese der Slaven aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // *Ethnogenese europäischer Völker*. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986; 2) Zur Ethnogenese der Slaven // *Starigard – Oldenburg*. Neumünster, 1991; *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // X Международный съезд славистов: славянское языкознание. М., 1988. С. 264-292; Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарный сборник). Л., 1989; *Pleterski A.* *Etnogenesa Slovanov*. *Obris trenutnega stanja arheoloških raziskov*. Ljubljana, 1990; *Goehrke C.* *Frühzeit des Ostslaventums*. Darmstadt, 1992; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993; *Щукин М.Б.* 1) На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994; 2) Рождение славян // *Стратум: Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории: Археологический сборник*. СПб., 1994.

логия, источниковедение, лингвистика, философия истории. СПб, 1997. С. 110-147; Баран В.Д. 1) Славяне в середине I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978; 2) Венеди, склавѣни, та анти у свѣтлі археологічких джерел // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. М., 1997; 3) Давні слов'яни. Київ, 1998; Трубачев О.Н. Этногенез и культура...

9. См., например, Петрухин В.Я. 1) Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск; М., 1995. С. 7-25; 2) Древняя Русь... С. 29-57; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): курс лекций. М., 1999. С. 26-38; Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9-10; Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 52-54.

10. Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния... С. 266-283 и др. Убедительную критику такого взгляда см.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура... С. 245-278.

11. П.В. Шувалов, который примыкает к вышеназванному «скептическому» направлению в изучении проблемы славянской предистории, констатирует, что «Ф. Курта, суммировав многие достижения своих предшественников и используя то, что уже «носилось в воздухе», не остановился на обобщении достигнутых наукой успехов. Он попытался единым махом разубить гордиев узел раннего славянства» (Шувалов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 14-15).

12. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 335.

13. При этом утверждения Ф. Курты на сей счет немного противоречивы. В одном месте он осторожно пишет о том, что «возможно, первоначально «склавины» были самоназванием определенной этнической группы. Однако в более точном смысле «склави́нская этничность» – это византийское изобретение» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 119), однако перед этим решительно заявляет, что «название «склавины» было чисто византийской конструкцией, имевшей целью осмыслить сложную этническую обстановку по другую сторону лимеса».

14. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 350.

15. *Ibid.* P. 350.

16. Символично, что Ф. Курта говорит именно о «создании» либо «изобретении» (*making*) славян; перевод названия книги Н.И. Петровым как «Становление славян» (*Петров Н.И. Этничность древних славян: историческая реальность или инвенция византийцев? Обзор монографии Флорина Курты «Становление славян» // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 193-196*) неверен – тогда было бы другое слово: *ethnogenesis, emergence, appearance* и т. д. Видимо, российским ученым, привычным к «примордиалистской» традиции в изучении этногенеза, не до конца понятен радикальный «инструментализм» Ф. Курты. И в книге Ф. Курта неоднократно говорит именно о «создании»/«изобретении» славян, но не об их «возникновении» или «становлении». Например, на с. 119 он утверждает, что «славянская этничность» – это

«византийское изобретение» или «создание» (invention). См. также, например, на с. 118, 335, 349-350 и др.

17. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 349.

18. По мнению Ф. Курты, вообще в этот период именно женщины стали своеобразным «двигателем создания социальных идентичностей» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 309).

19. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 319.

20. *Ibid.* P. 106, 189.

21. *Ibid.* P. 346.

22. См., например, обсуждение этой книги в № 2 (4) за 2008 г. в журнале *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, в котором представлены как сторонники, так и противники предложенного Ф. Куртой подхода. См. также: *Петров Н.И. Этничность древних славян...*

23. Если быстрое распространение его в византийской традиции с большой натяжкой еще как-то можно представить, а проникновение в арабскую традицию объяснить византийским влиянием, то как быть с тем, что он практически в то же время появляется и в европейских источниках, например, у Иордана?

24. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 185. Любопытно, что сам Ф. Курта этого обстоятельства, в принципе, не отрицает (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 38), но старается преуменьшить его значение, сведя все к «константинопольской перспективе» Прокопия.

25. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995. С. 361, 407, 415-417.

26. *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 10.

27. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 15-17.

28. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры: Т. I (Древняя Русь). С. 415.

29. Хазарский царь Иосиф в своем знаменитом ответе Хасдаю Ибн-Шафруту помещает где-то в Среднем Поволжье некий народ *сливион* (*Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98), т. е. «славян», которыми, по всей видимости, были потомки именьковцев: *Галкина Е.С.* 1) Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 378-382; 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н. э). М., 2006. С. 339-345; *Жих М.И.* Проблема локализации «Славянской реки» арабской историко-географической литературы раннего средневековья и вопрос о расселении славян в Поволжье в VI-IX вв. // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2008. С. 144.

30. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.

31. Формирование западно-, восточно- и южнославянских языков лингвисты датируют VII-VIII вв.: *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 6-30.

32. По словам Ф. Курты, «археологические культуры не мигрируют» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 307).
33. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 345.
34. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 87.
35. О принадлежности этого слова славянской языковой среде см.: *Гиндин Л.А.* Обряд погребения Аттилы и «гризна» Ольги по Игорю // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 65 и сл.; *Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 9. М., 1983. С. 81; Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 89, 316.
36. См., например: *Niderle L. Slovanské starožitnosti. T. II. Del. I. Praha. 1906. S. 138; Варишич Ф.* Приск как извор за најстарију историју Јужних Словена // Зборник радова Византолошког Института. Кн. I. Београд, 1958. С. 58-59; *Popović J. Quele était le peuple pannonien qui parlait medos et Strava // Там же. Кн. 7. 1961. С. 198 и сл.; Kurnatowska Z. Słowiańszczyzna południowa. Wrocław. 1977. S. 25; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 93; Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 88-93, 315-330, 370-390.
37. См.: *Варишич Ф.* Приск как извор за најстарију историју... С. 53-59; *Гиндин Л.А.* 1) К вопросу о характере славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 64-68; 2) К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингво-филологическим данным) // Балканско езикознание. Т. 26. София, 1983. С. 29-31; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 41-45, 92-93.
38. *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8.
39. С.А. Иванов констатирует: «если бы Прокопий взялся за выдумывание несуществующего имени, такое как «славяне» пришло бы ему в голову в самую последнюю очередь: византийскому греку невозможно было произнести плавный консонант «Л» после сибиллянта «С» (недаром все античные авторы вставляют «К» или «th» в имена вроде Вислы). Само имя «склавины», которым Прокопий пользуется, звучало столь экзотично, что никто не сочтет его порождением греческой языковой фантазии. Кстати говоря, первым признаком «интериоризации», освоения этого этнонима, безусловно воспринимавшегося греками как чуждый и режущий слух, стало его лингвистическое «переразложение». Возникает сокращенная форма «склавы», свидетельствующая о том, что из первоначального слова была вычтена та часть, которую греческое языковое сознание осмыслило как суффикс, по аналогии с «бактрами», получившимися из «бактрианов». Но характерно, что сокращенная форма «склавы» возникает не у тех авторов, которые сообщили о новом народе, – Прокопия или Иордана, а у тех, кто писал чуть позже, – Агафия и Малаль» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8).
40. См.: *Maher J.P. The ethnonym of the Slavs – Common Slavic *Slověne // The journal of Indo-European studies. 1974. № 2. P. 143; Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 415-419; *Трубачев О.Н.* 1) Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ěpъlъ*, **-janъlъ* // Этимология. 1980. М., 1982. С. 13; 2) Этногенез и культура... С. 93-94.

41. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 417-418.
42. В этой связи нам представляется совершенно некорректным предположение С.А. Иванова, согласно которому «вероятно, что имя славян возникло впервые среди славофонов, но применительно к какому-то другому, не славофонному, населению. Возможно, что первыми «славянами» были какие-нибудь ирано- или германоязычные группы» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 11).
43. *Новосельцев А.П.* Восточные славяне... С. 50.
44. *Maher J.P.* The ethnonym of the Slavs... P. 154.
45. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 415.
46. Там же. С. 416-417.
47. Цит. по: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 7.
48. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 8. Соображения В.В. Мавродина о соотношении «автохтонного» и «миграционного» начал в процессе этногенеза, на наш взгляд, не утратили своего значения и по сей день: там же. С. 6-10.
49. Там же. С. 8.
50. *Клейн Л.С.* 1) Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго. Доклады советской делегации). М., 1973; 2) Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52-71.
51. *Седов В.В.* 1) Славяне в раннем средневековье. С. 5-386; 2) Славяне. С. 199-574.
52. Такой вывод Ф. Курта сделал на основании того, что «склавинами» византийцы называли разные славянские общности, названия которых отразились в источниках (*Curta F.* The Making of the Slavs... P. 119). По его мнению, это говорит о том, что это имя было лишь обобщающим византийским названием для них, но не самоназванием их носителей. В конце книги ученый вновь возвращается к этой проблеме, однако прежняя двойственность в его утверждениях сохраняется: то он говорит о том, что «по-видимому, останется неизвестно, называли ли себя «склавинами» или «антами» какие-либо группы, жившие в поселениях того времени, исследованных румынскими археологами» (*Ibid.* P. 337), то, по его утверждению, «никакие «славяне» не называли себя этим именем» (*Ibid.* P. 349).
53. Выражаю признательность Е.С. Галкиной, акцентировавшей мое внимание на это обстоятельство.
54. *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London, 1983. Русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В.Г. Николаева. М., 2001.
55. *Mapp Н.Я.* Этно- и глоттогония Восточной Европы. М.; Л., 1935.
56. С некоторыми расхождениями в определении конкретной даты выделения [пра]славянского языка первым тыс. до н. э. его возникновение датируют многие ученые (среди которых как сторонники, так и противники гипотезы

об исходном балто-славянском единстве). См., например: *Lehr-Splawiński T.* Szkic dziejów języka prasłowiańskiego // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1958. № 3. S. 243-265; *Arumaa P.* Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der Slavischen Sprachen. T. I. Heidelberg, 1964; *Senn A.* 1) The Relationships of Baltic and Slavic // *Ancient indo-european dialects.* Proceeding of the Conference on indo-european linguistics. Berkeley; Los-Angeles, 1966. P. 139-151; 2) Slavic and Baltic linguistic relations // *Donum Balticum.* The professor Christian S. Stang in the occasion of his seventeenth birthday. Stockholm, 1970. P. 485-494; *Birnbaum H.* Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung der Urslavischen. Über die Relativität der Begriffe Balto-Slavisch (Frühslavisch bzw. Spätgemeinslavischer Dialekt) Ureinzelslavine // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1970. № 35. S. 1-62; *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumkunde und Namenkunde. Wiesbaden, 1971. S. 73-99; *Филин Ф.П.* К проблеме происхождения славянских языков. С. 381 и сл.; *Lemprecht A.* 1) Praslovanština a její chronologické členění // *Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů v Zahřebu.* Pr., 1978. S. 150 и сл.; 2) Praslovanština. Brno, 1987; *Golqb Z.* The Ethnogenesis of the Slavs in the Light of Linguistics // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.* T. I. Linguistics. Colombus, 1983. P. 131-146.

57. См., например: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 14 и сл., 38, 395; *Георгиев В.И.* 1) Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958; 2) Пра-славянский и индоевропейские языки // *Славянская филология.* София, 1963; *Горнунг Б.В.* Из предьистории образования...; *Shevelov G.* Prahistory of Slavis. New York, 1965; *Бернштейн С.Б.* Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 16 и сл.; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 12-170.

58. См.: *White H.* 1) *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe.* Baltimore and London, 1973 (русский перевод: *Хейден Ваум.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002); 2) *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation.* Baltimore, 1987.

59. По словам А.Л. Шлецера, слово «поднимают на этимологическую дыбу и мучают до тех пор, пока оно как будто от боли не издаст из себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель» (*Шлецер А.Л.* Не-стор. Ч. II. СПб., 1816. С. 114-115). Эти слова звучат как никогда актуально и с полным основанием могут быть применены к современным постмодернистам и сторонникам разнообразных «деконструкторских» методик.

60. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries* / Ed. by F. Barth. Bergen, 1969. P. 9-38 (русский перевод: *Барт Ф.* Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / Под редакцией Ф. Барта; Перевод И. Пищальникова. М., 2006. С. 9-48); *Cohen A.* Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns. London, 1969; *Anderson B.* Imagined communities...; *The anthropology of ethnicity: Beyond 'Ethnic groups and boundaries'* / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam; Hague, 1994; *Jenkins R.* Rethinking ethnicity: Identity, categorization

and power // *Ethnic and Racial Studies*. London; New York. 1993. Vol. 17. № 2. P. 197-223; *Скворцова Н.Г.* Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

61. См., например, *Wolfram H.* Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter, Das Reich und die Deutschen. Berlin, 1990; *Pohl W.* 1) Conception of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*, Blackwell Publishers, 1998. P. 13-24; 2) Die Volkerwanderung: Eroberung und Integration. Stuttgart; Berlin; Koln, 2002; Aux origins d'une Europe ethnique. Transformations d'identites entre Antiquite et Moyen Age // *Annales: Histoire, sciences sociales*. 2005. T. 60. P. 183-208.

62. См., например: *Иванов С.А.* 1) Откуда начинать этническую историю славян? // *Советское славяноведение*. 1991. № 5. С. 3-13; 2) Славянская этничность как методологическая проблема // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 23-26.

63. *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8.

64. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 355.

65. Цит. по: *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 7.

66. См., например, его трактовку сведений «Чудес святого Димитрия Солунского» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 97-181) о многочисленных нападениях славян на этот город, которые Ф. Курта отрицает: *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 54.

67. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001. С. 84.

68. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 351.

69. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 308.

70. О расселении славян на Балканах см.: *Седов В.В.* 1) Славяне в раннем средневековье. С. 148-169; 2) Славяне. С. 403-430.

71. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 339.

72. Более подробное, чем в рассматриваемой книге, обоснование этого тезиса содержится в статье Ф. Курты: *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe // *Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica*. 1996. № 43. P. 65-224.

73. *Шувалов П.В.* Изобретение проблемы... С. 16-18.

74. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 189.

75. Тем не менее, *отдельные* наблюдения Ф. Курты весьма любопытны и заслуживают серьезного внимания. Например, его вывод о том, что лимес не погиб окончательно в самом начале VII в. и Империя защищала его до 620 г. (*Curta F.* The Making of the Slavs... P. 106, 189).

76. *Shramm G.* Ein Damm bricht: Die römische Donaugrenze und die Invasionen des 5-7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörten. Munchen, 1977.